

Асен Игнатов

Революция пожирает своих вундеркиндов. Случай Бухарина с психологической точки зрения

Знаменитый коммунистический «еретик» Николай Бухарин был человеком необыкновенным. Это мнение разделяют авторы совершенно различных убеждений. Артур Кёстлер выбрал его прототипом Николая Рубашова, главного героя романа «Слепящая тьма», произведения, целью которого было осветить тьму, окутывавшую московские процессы. Один из крупнейших философов нашего времени, Морис Мерло-Понти, хотел пояснить на примере его судьбы механизмы мировой истории, правда, несколько разочаровывающим способом, - политически ультралевый в то время мыслитель всячески пытался сгладить чудовищность сталинского террора¹. Даже Александр Солженицын, который редко находит для коммунистов смягчающие обстоятельства, называет его «самым высоким и светлым умом» большевистской партии². Им до сих пор занимаются левые и правые, марксисты и «буржуазные» теоретики.

Его выдающаяся индивидуальность проявилась уже в молодые годы, причем во многих отношениях. В 25 лет молодой русский автор дебютировал с объемным критическим исследованием экономического учения Бём-Баверка в «*Нойе Цайт*» (*Neue Zeit*) Каутского, авторитетном теоретическом органе немецкой и международной социал-демократии. Публикация в журнале Каутского означала нечто вроде посвящения в рыцари в мире марксистской теории (достаточно сказать, что Каутский упорно отказывал в признании Ленину!). В 24 года Бухарин представлял российских социал-демократов на съезде социал-демократической партии Германии в Кемнице. В 30 лет он был главным редактором газеты «Правда». В возрасте 36 лет (1924) он стал членом Политбюро и получил место умершего Ленина. В 1926, когда Бухарину не было и сорока, он стал неофициальным главой Коминтерна.

В мгновение ока Бухарин стал всемирно известен в совершенно разных общественных кругах. По его популярному труду, написанному совместно с Евгением Преображенским, «Азбука коммунизма», своего рода Библией большевизма, коммунисты всех стран изучали основы нового спасительного учения. Работой «Теория исторического материализма» он снискал звание Теоретика номер один боль-

---

¹ Merleau-Ponty Maurice: Humanismus und Terror. Meisenheim, Frankfurt am Mein 1990, S. 45-113.

² Солженицын А.: Архипелаг ГУЛаг 1918-1956. Опыт художественного исследования. I-II, Париж 1973, с. 413.

шевистской интерпретации марксизма. Вскоре после появления русского оригинала книга была переведена на многие языки.

Эта короткая и насыщенная жизнь была полна не только примечательными делами, но и примечательными встречами. Его жизнь рано пересеклась с жизнью других личностей, которые уже были или позже стали знаменитыми. Илья Эренбург, умевший виртуозно балансировать между приспособленчеством и свободой, был его школьным приятелем. Циник Карл Радек был его другом. Пожилой Максим Горький любил его как сына. После ареста Бухарина Ромен Роллан со своей обычной наивностью пытался побудить Сталина к милосердию³. Начинаящий Андре Мальро, ведущая фигура французской литературы, а позже консервативный министр культуры, как носитель языка делал стилистическую правку французского текста доклада, с которым Бухарин выступал в Париже в 1936 году. Рудольф Хильфердинг, у которого, собственно, Ленин перенял свою теорию империализма, приехал в Париж, чтобы послушать этот доклад. Бухарин привлекал людей с разными взглядами и разными судьбами, но все это были крупные личности. Кажется, люди первого ранга обнаруживали с ним, пользуясь словом Гете «избирательное сродство».

Звезда Бухарина взошла внезапно и ослепительно. Но заходила она медленно, мучительно, а порой, к сожалению, и унизительно. После политического поражения его «фракции» в 1929 году жизнь Бухарина была долгой, постепенно нарастающей агонией, скольжением к смерти, которым с садистской смакующей неторопливостью управлял Сталин.

Этому необыкновенному жизненному пути соответствует также необыкновенная личность, которая, в отличие от его идей и деятельности, изучена недостаточно. В данной статье мы попытаемся – прежде всего, с оглядкой на трагический финал – нарисовать психологический портрет Бухарина.

1. Коммунистический Дон Кихот

Все современники, знавшие его, рисуют портрет своеобразного, неповторимого человека. Чтобы охарактеризовать его, они часто прибегали к историческим и литературным образам. По их описаниям, необычным был уже его внешний облик. Визуальное восприятие «другого» никогда не бывает нейтральным. Почти всегда на него оказывает влияние знание о духовном и общественном поведении человека. Одни и те же черты лица, цвет волос, жесты, мимика могут в зависимости от общей позиции очевидцев восприниматься как крайне привлекательные или крайне отталкивающие. Так было и с Бухариным. Для американских «попут-

---

³ «Мы, ваши друзья, совершенно беззащитны». Пять безответных писем Романа Роллана. Источник, 2, 1996. с. 126-127.

чиков» Москвы Майкла Сайерса и Альберта Кана Бухарин был «светловолосым Макиавелли в кожаной куртке»⁴. Один нацистский журналист видел в Бухарине «перевернутую аптекарскую бутылку»⁵. Немецкая коммунистка Роза Майер-Левин (Rosa Meyer-Lewin) пишет, что встреча и беседы с ним заставляли думать о князе Мышкине Достоевского. Скорее святой, чем бунтарь или теоретик, – таковым было ее непосредственное впечатление⁶. Английский журналист Артур Рэнсам (Arthur Ransome) описывает бухаринскую жестикуляцию и эмоционально ангажированную речь. «Потом он шел большими шагами, почти бежал, застегивая на ходу пальто, этакий маленький Де Куинси (De Quincey) революции»⁷.

Бухарин был многосторонней личностью; среди прочего он был талантливым карикатуристом. Он любил горы и был страстным альпинистом. Своим естественнонаучным интересам, которые появились еще в юности и, очевидно, были связаны с базаровской традицией, он оставался верен всю жизнь. В квартире он соорудил клетку для зверей, где попеременно жили орлы, мартышки и медвежонок⁸.

Интенсивный стиль жизни, многосторонность, колорит, кипучая энергия этого всегда дружелюбного и готового к лукавым шуткам человека были очень заразительны. Своей манерой держать себя и своим обращением он также очаровывал и детей. Символичным и вместе с тем ироничным кажется тот факт, что именно дети его убийцы – Сталина – его очень любили. Особенно для Светланы визиты «дяди Коли» были незабываемыми праздниками.

Возможно, дети интуитивно чувствовали в «дяде Коле» что-то свое, но это в глазах взрослых отнюдь не было положительным. Троцкий пренебрежительно высказывался о «ребяческих повадках» Бухарина. Типичным был для него «детский восторг». Он должен был постоянно к кому-либо «прилипать» – сегодня к Ленину, завтра к Зиновьеву, послезавтра к Сталину⁹. Для него была характерна «когда истерическая, когда ребяческая привязанность»¹⁰. Интересно, что недалекий Ворошилов разделял это мнение проницательного Троцкого! На тягостном пленуме ЦК в феврале-марте 1937 года, где состоялась политическая казнь Бухарина, которая предшествовала физической, Ворошилов сказал, что Бухарин хотя уже далеко не юноша, все же не готов стать взрослым мужчиной¹¹.

⁴ Sayers, Michael, Kahn Albert E.: Die große Verschwörung. (Ost)Berlin 1949, S. 189.

⁵ Цитата по: Bucharina Larina, Anna: Nun bin ich weit über zwanzig. Göttingen 1989, S.304.

⁶ Цитата по: Yannick, Blanc / Kaisersgruber, David: L'affaire Boukharine. Paris 1979, S. 55.

⁷ Цитата по: Blanc, Yannick, op.cit., S. 59.

⁸ Bucharina Larina, op.cit., S. 265.

⁹ Trotzki, Leo: Mein Leben. Versuch einer Autobiographie. Frankfurt am Main 1980, S. 239-240.

¹⁰ Там же, стр. 406.

¹¹ Материалы Февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года, Вопросы истории, 6-7, 1992, с. 24.

Дитя! Его современники, люди столь разные, были едины в этом мнении, независимо от того, говорили они это с состраданием, укоризненно, снисходительно или с симпатией.

«Это дитя», – очень часто говорят о поэтах и художниках, о романтиках и вообще о «чудаках», о людях, которые не следуют правилам обывательского мира.

В послесловии к изданию Ровольта (Rowohlt) бухаринской «Экономики переходного периода» Гюнтер Хильман (Günter Hillmann) отмечает, что Бухарин не придерживался «холодной стратегии власти»¹². С этими словами можно полностью согласиться: среди всех вождей Октябрьской революции Бухарин был единственным, кто не превратился в политическую машину. Все остальные были настоящими людьми власти – Троцкий, Зиновьев и Каменев не меньше, чем Сталин и Молотов, а Ленин не меньше, чем все они вместе взятые. В отличие от своих боевых соратников, Бухарин был еще способен на гуманные, не «классово обусловленные» чувства. Несмотря на приверженность холодным и сухим марксистским догмам, он еще мог прислушиваться к голосу сердца.

В течение многих лет Бухарин был ангелом-хранителем Осипа Мандельштама. Особые отношения между законодателем коммунистической идеологии и чуждым, даже враждебно настроенным по отношению к коммунизму поэтом начались в 1922 году, с визита Мандельштама, который просил об освобождении своего арестованного брата. Бухарин немедленно и, разумеется, с успехом решил этот вопрос¹³. Позже он вступился за пятерых осужденных на смерть пожилых «контрреволюционеров». Надежда Мандельштам подметила очень точно: Бухарин отвечал не с тупым безразличием типичного советского бюрократа, который произносил что-то вроде «А Вам какое до этого дело?», а импульсивно бросался к телефону¹⁴. Надежда Мандельштам вспоминает типичную спонтанную реакцию Бухарина в таких случаях. «Идиоты!» - восклицал он, узнав о новом случае советского произвола, и тотчас начинал предпринимать конкретные действия¹⁵.

Импульсивность Бухарина проявлялась и в других ситуациях. В 1926 году он был избран действительным членом Академии наук. На пленарном заседании всемирно известный лауреат Нобелевской премии Иван Павлов открыто выступил против тогда еще всесильного кандидата. Он не хотел голосовать за человека, руки которого по локоть в крови. Великий физиолог был прям, открыт и смел. Но и Бухарин тоже. Пожилой ученый был удивлен, когда вскоре после этого у дверей своего института он увидел не кого иного, как Бухарина. «Я похож на человека, руки у которого по локоть в крови?» – смело спросил нежданный высокий гость. Откровенность Бухарина подкупила ученого. Павлов был верующим

---

¹² Hillmann, Günter: Zum Verständnis des Textes, in: Bucharin, Nikolaj: Ökonomik der Transformationsperiode. Reinbeck bei Hamburg 1970, S. 181.

¹³ Мандельштам, Надежда. Воспоминания. Нью-Йорк 1970, с. 122.

¹⁴ Там же, с. 120.

¹⁵ Там же, с. 124.

христианином, Бухарин – радикальным атеистом. Павлов был за мирные и постепенные реформы, Бухарин был сторонником революционных потрясений общества. Несмотря на эти непреодолимые противоречия, из визита Бухарина возникла настоящая дружба между двумя выдающимися людьми. Они обменивались письмами, в которых открыто выражали свои взгляды и спорили друг с другом (Бухарин тщетно пытался настроить Павлова более позитивно к советской системе)¹⁶.

Никакой другой коммунистический лидер не позволил бы себе ничего подобного. Даже если бы Павлов не был противником коммунизма, высокопоставленный коммунистический функционер не поддерживал бы из одного чванства постоянных контактов с человеком, не принадлежащим к номенклатуре. Тем менее рискнул бы он на близкие отношения с идеологическим противником, не преследуя цели его переубедить. Но «любимец» партии таким не был. Просчитанные и механизированные условности принятых партийных норм поведения были ему по существу чужды.

Эмоциональность Бухарина распространялась на все сферы жизни. Уже давно известно, что во многих вариантах марксизма и особенно в коммунистическом, смешивались теория и вера, а, следовательно, теория и чувства, и это замутняло познавательную ценность лучших марксистских работ. У Бухарина эта общемарксистская тенденция принимала совершенно особые формы, которые удивляли всякого иностранца. Меншевик-эмигрант Борис Николаевский, с которым Бухарин многократно встречался в 1936 году, когда приезжал на запад для покупки рукописей Маркса, рассказывает, что однажды в Копенгагене, листая рукопись «Капитала», Бухарин обратил внимание на то, что в одном месте, где говорится о классовой борьбе, Маркс не завершил предложение. Разочарованный, он перевернул страницу назад, затем вперед в поисках продолжения фразы. Тщетно – он ничего не нашел. В отчаянии Бухарин воскликнул: «Ах, Карлуша, Карлуша, почему ты не договорил? Без сомнения, тебе это было нелегко, но как бы нам это помогло!»¹⁷ Блестящий знаток Маркса на самом деле обращался к нему с простодушной любовью и ласково его упрекал, примерно в стиле: «Папа, почему же ты не починил мою игрушку?» При всем своем недоверчивом отношении к русским (чей энтузиазм он не находил особо лестным для своих произведений), «Карлуша» вряд ли мог себе представить, что один из его будущих русских почитателей мог бы вести подобные разговоры с его тенью. Несомненно одно: выходец с берегов Рейна, который отнюдь не был сентиментальным, не пришел бы в восторг от подобных русских излишней и фамильярного обращения.

Милое, дружеское, «детское» поведение Бухарина имело свою обратную сторону. Одаренным и амбициозным детям свойственно тщеславие. Русский мар-

¹⁶ Григорян Н. И.: Противостояние системе. К оценке социально-политической позиции И. П. Павлова // *Философские исследования*, № 3/4, 1994. С. 405-406.

¹⁷ Цит. по: Yannick, Blanc / Kaisersgruber, David, *op. cit.*, S.75.

ксист им обладал. В нем было что-то от повадок «первого ученика», кокетство эрудицией. Чрезмерное употребление иностранных слов побудило Ленина написать пародию на бухаринскую речь – один из редких остроумных и забавных моментов в письменном наследии Ленина. Бухаринская простота и искренность не были прямолинейными, им сопутствовало высокомерие интеллектуала.

Интеллектуальная надменность, без сомнения, являлась одной из причин того, что Бухарин (как и Троцкий) попал в немилость основной массы партии. Психологический конфликт между интеллектуалами, желавшими просветить «массу» и помочь ей, и самой этой массой сопровождали революционные движения с самого начала. Первоначально, будучи зависимыми от интеллектуалов, озлобленные рабочие и крестьяне, состоявшие в партии, воспринимали интеллектуалов как людей заносчивых и надменных. От них не чувствовался «запах конюшни». Этот скрытый конфликт существовал на уровне ощущений – «интеллектуальные» товарищи были слишком образованными и происходили в основном из более высоких социальных слоев. Сартр блестяще изобразил это в пьесе «Грязные руки»: активисты нелегальной партийной ячейки не любят буржуйского сынка Хуго за то, что у него красивая жена! В конце концов Бухарин оказался слишком образованным и слишком индивидуалистичным для основной партийной массы, спонтанно следовавшей за Сталиным, в котором было что-то от простого, грубого, необразованного, посредственного человека из народа.

Как многие коммунистические интеллектуалы Бухарин пытался – спонтанно и честно – компенсировать это подражанием манерам пролетариата: он упорно избегал шляп, галстуков, костюмов, а ходил в фуражке, тужурке и больших сапогах, почти как Сталин. Но в амплу рабочего Бухарин был столь же мало убедителен, как Мария Антуанетта в роли пастушки или граф Лев Толстой в роли мужика.

Однако поистине роковой для Бухарина стала другая обратная сторона его эмоциональности – его наивность, его незнание общественной реальности, о которой он так хорошо говорил совершенно абстрактно, его незнание людей. В его прямодушном мужестве было нечто, напоминающее рыцаря Печального Образа (Дон Кихот тоже был состарившимся ребенком). Это последняя причина его поражения в конфликте со Сталиным. За свою наивную доверчивость Бухарин заплатил собственной жизнью.

2. «Коба» и «Бухарчик»: зловещий симбиоз палача и жертвы

Трагический финал – процесс против «блока правых и троцкистов», который естественно закончился казнью «любимца партии» - хорошо известен. Однако ему

предшествовала долгая история взаимоотношений палача и жертвы, которая в высшей степени интересна с психологической точки зрения.

Чувство зависти мучило Сталина до конца его дней, и эта зависть была крайне агрессивной. Сталин чувствовал, что по сравнению с Троцким, Зиновьевым, Бухариным, Каменевым он выглядит бледно и маловыразительно. Комплекс неполноценности у Сталина выражался в несдерживаемой ненависти.

Все в Бухарине должно было вызывать эту злобную зависть. Но конфликт между двумя коммунистическими вождями содержал и другие компоненты, которые то обостряли, то смягчали этот конфликт. Отношения между Сталиным и Бухариным – это целый трудно распутываемый клубок ненависти-любви, садизма, мазохизма, внутренней борьбы и жестоких игр.

Можно сказать, что все началось с некоего «первоначального события» (Ur-Erlebnis). В 1912 году молодой Сталин, «Коба» - так тогда звучал его конспиративный партийный псевдоним, приехал в Вену. По поручению Ленина он должен был написать статью о национальном вопросе. Как известно, красноречием Сталин не отличался. Русский был для него языком иностранным, и его достижения по части изучения языков исчерпывались методичным изучением русского. По просьбе Ленина Бухарин помогал Сталину в изучении немецких марксистских текстов.¹⁸

Слова «благодарность» в словаре Сталина не имелось. Более того: именно у таких терзаемых комплексами, амбициозных, честолюбивых, но мало одаренных людей оказываемая им помощь может вызвать жуткую ненависть: ненависть по отношению к помогающему, потому что он оказался свидетелем их беспомощности, и зависть к его превосходству. В то же время своим добродушием, «детским» шармом, заразительной спонтанностью Бухарин мог подкупить даже Сталина. С «уроков немецкого языка», которые Бухарин давал Сталину, началась эта «дружба» - абсурдная, но отнюдь не невозможная. Что Коба *не только* ненавидел «Бухарчика» (фамильярное, дружеское прозвище Бухарина) - об этом свидетельствуют некоторые хорошо известные, но загадочные факты. Сценарий показательного процесса против Бухарина содержит много извилин и пируэтов. Перед судом в августе 1936 года Каменев обвинил Бухарина в том, что тот поддерживал с ним «нелегальные контакты». В письмах и телеграммах, опубликованных в прессе, отдельные советские граждане, как и целые коллективы «спонтанно» требовали арестовать Бухарина. Бухарин, направлявшийся в то время в Тянь-Шань, случайно узнал из газет о серьезных обвинениях, находясь в городе Фрунзе. Испуганный, хорошо зная советские обычаи, он отправил Сталину шифро-

---

¹⁸ Данный случай описывался многократно. См. Cohen Stephen F.: Bukharin and the Bolshevik Revolution. A Political Biography 1888-1938. New York 1973, S. 21.

ванную телеграмму, в которой выразил возмущение по поводу «клеветнических высказываний негодяев»¹⁹. Самолетом он вернулся в Москву.

Следующие полгода, будучи ни обвиненным, ни оправданными, в состоянии отчаяния и депрессии, Бухарин провел в маленькой комнате со скудной обстановкой, где он жил со своей молодой женой. «Теперь, под тучами черных обвинений, пришло бесконечно долгое ожидание ареста, изматывающая тоска, которую наводит сидение дома, – это разрушает волю жертвы куда сильнее, чем прямое давление Лубянки»²⁰.

Казалось, на некоторое время небо прояснилось: 10 сентября 1936 года было опубликовано заявление прокуратуры, в котором говорилось, что «для доказательства вины Бухарина не было найдено достаточных юридических оснований». Если же этот двусмысленный документ не избавил Бухарина от подозрений, еще один причудливый инцидент, казалось, положил конец его неприятностям. По случаю торжеств 7 ноября 1936 года Бухарин решил пойти на гостевую трибуну на Красной площади с приглашением, которое он получил как главный редактор «Известий». Неожиданно к нему подошел вооруженный красноармеец. Бухарину, измученному тяжелыми страхами, пришло в голову нелепое предположение, что его арестуют здесь, у всех на виду. Однако произошло нечто иное: солдат отдал честь и сказал: «Товарищ Сталин спрашивает, почему Вы стоите здесь. Он просит Вас занять Ваше место на трибуне мавзолея»²¹. Этот случай очень живо иллюстрирует сопровождавшую последний этап жизни Бухарина атмосферу, абсурдность которой не только в переносном, но и в прямом смысле походила на кошмар.

Во всяком случае, это чудо ознаменовало только двухмесячную передышку. С декабря 1936 года петля вокруг его шеи начала затягиваться. После долгих дебатов, где ораторы состязались за первое место по распространению клеветы на своего соратника, по предложению Сталина, который отклонил предложения немедленно расстрелять грешника, 27 февраля 1937 года Пленум ЦК постановил «передать дело НКВД»²².

Игра в кошки-мышки? Несомненно, но и *не только*. Играя с Бухариным, Сталин одновременно боролся с самим собой, так сказать, играл в кости. Лучшим доказательством этому служит тот факт, что непосредственно перед началом всей «кампании» Бухарин почти на полгода был откомандирован в Западную Европу. Согласно общепринятому мнению, это была провокация, и поездка нужна была лишь для того, чтобы придать вес уже сфабрикованным обвинениям, чтобы

---

¹⁹ Ср. «Всюду и везде я буду настаивать на своей полной и абсолютной невинности...» (Письма Н.И. Бухарина последних лет). Август-декабрь 1936 г. // Источник 2, 1993, С. 12.

²⁰ Солженицын А. Цит. соч. С. 415

²¹ Там же. С. 416

²² Ср. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории, 2, 1993, С. 2

она создала убедительную мизансцену. Мы объясняем этот неправдоподобный поступок иначе. Поручая Бухарину миссию на Западе, Сталин давал ему понять, что это способ спастись. Безмолвное послание Сталина внушало Бухарину: «Беги, не вынуждай тебя убивать!»

Вдова Бухарина, Анна Ларина, пишет, что «в глубине своего жестокого сердца Сталин любил Бухарина [...]»²³. Это не удивительно. В случае преступлений таких гигантских масштабов мы часто склонны делить мир на белое и черное. Подобному соблазну необходимо решительно противостоять. Пути преступления очень сложны, особенно если речь идет о преступлениях, совершаемых по политическим и идеологическим мотивам. Это скорее обходные пути. Борьба мотивов исключает прямолинейные объяснения этих преступлений. Тем более, если картина усложняется внутренней борьбой, душевной раздвоенностью, где человек пытается убедить сам себя. В конце концов нельзя забывать, что эта драма разыгрывалась в стране Достоевского. Чтение произведений Достоевского настоятельно рекомендуется всем тем, кто занимается актерами советской истории.

3. «Как я набью морду Троцкому»

Последняя и трагическая глава в истории жизни Бухарина состоит из двух частей: предварительное заключение и процесс.

10 декабря 1937 года «Бухарчик» отправил «Кобе» из тюрьмы письмо. Письмо представляет собой уникальный документ времени. В нем с пламенной силой выражается душевное смятение обреченного на смерть. В нем все понятно, кое-что простительно, не все достойно. Жалость к себе смешивается с тщеславием, стремление вернуть к себе доверие соседствует с самоуничижением, неприкрытое и посредственное лукавство с отталкивающей агрессивностью, смутные надежды соединяются с фантазмагорическими «предложениями», чисто человеческие слабости комбинируются с поразительной наивностью и психологической бездарностью: все это отличает отчаянное послание Бухарина.

Со странным мазохистским усердием он убеждал Сталина, что он, Бухарин, не имеет ничего против своей собственной смерти, если речь идет о «большой и смелой политической идее генеральной чистки» в связи с надвигающейся войной. Это правильно, даже если Бухарин только «подозреваемый». Он давно уже вышел из пеленок и хорошо понимает, что великие планы, великие идеи и великие интересы стоят превыше всего, и жизнь одного человека ничто рядом с ними. Нет, его беспокоит мысль, что Сталин *действительно* мог поверить, что Бухарин совершил это «ужасные вещи». Он будет спокоен, если узнает, что Сталин

---

²³ Ларина Бухарина, Анна. Цит. соч. С 361

убежден в его личной невинности²⁴. В своей покорности и доверительности по отношению к палачу жертвенный агнец заходит еще дальше. Он не был христианином, но просил Сталина простить его за то, что однажды летом 1928 года он вел переговоры с Каменевым за спиной Сталина. «Прости мне *это*, Коба. Я пишу и плачу»²⁵.

Далее Бухарин сообщал высокому адресату, что у него были «галлюцинации» - он видел покойную жену Сталина, Надежду Аллилуеву. Она подошла к нему и спросила: «Что они сделали с Вами, Николай Иванович? Я Иосифу скажу, чтобы он взял Вас на поруки»²⁶. Надежда не поверила бы обвинениям, надеется Бухарин²⁷.

Материалист то говорит об ином мире, то умоляет Сталина избавить его от расстрела и дать возможность покончить жизнь самоубийством. «Если меня ждет смертный приговор, то я заранее прошу тебя, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался)»²⁸. От этой просьбы о последней милости, от этого глубокого отчаяния он воспаряет к высотам непонятого, но по-прежнему верного борца за дело революции, причудливо смешивая трагический пафос, гордость и жалость к себе: «Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных»²⁹.

Даже после двадцати лет, в течение которых он имел дело с «Кобой», «Бухарчик» не смог его разглядеть, не смог понять, что любое из этих слов только раздражает Сталина, что он, Бухарин, своими руками только глубже вырывает себе могилу. Неужели он так плохо разбирался в людях? Не мог понять, что люди, способные плакать, вызывают у «Кобы» только презрение? Так тяжело было понять, что любой намек, что его покойная жена более права, чем он, приведет его, непогрешимого, в еще большую ярость, тем более что любое упоминание о Надежде Аллилуеве будит ассоциации с ее самоубийством, до которого он ее довел? Бухарин так плохо знал людей, что не мог понять элементарного, а именно, того, что, с точки зрения примитивного характера, тот, с кем случаются галлюцинации, безумец, не стоящий сострадания. Даже после столь долгого и горького опыта смертник был не в состоянии понять, что самой большой опасностью было напомнить о своих «способностях», так как именно способности Бухарина вызывали у «Кобы» роковую зависть.

Dum spiro spero. Несмотря на все это у Бухарина оставалось крупинка надежды. Он нерешительно набросал – как сказали бы сегодня - два сценария на слу-

²⁴ Ср. Прости меня Коба... Неизвестное письмо Н.Бухарина // Источник, № 0, 1993. С. 23-24.

²⁵ Там же. С. 24, подчеркнуто Бухариным.

²⁶ Там же.

²⁷ Ср. там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 25.

чай, если паче чаяния ему сохранят жизнь. Но даже тогда, когда шансы выжить стремительно падали, он оставался теоретиком, выстраивающим законченные, тщательно продуманные детальные планы.

Первый вариант представлял собой невероятное «предложение». Он предлагал Сталину, отправить его, Бухарина, в Америку в сопровождении – действительно детская хитрость! – «квалифицированного чекиста», который должен будет пресечь любое возможное предательство, любую попытку «выбрать свободу». В качестве «дополнительной гарантии» можно в течение полугода держать под арестом его жену в Советском Союзе. Цель у этой «командировки» потрясающая. В знак благодарности за милость Сталина он хотел вести пропаганду «с подъемом и энтузиазмом» в пользу московских процессов и развернуть широкую кампанию против Троцкого, привлекая широкие слои колеблющейся интеллигенции. Он уже видит себя как «фактически анти-Троцкого». Соль этой тирады заключалась в хвастливом обещании показать Сталину, как хорошо он, Бухарин, будет «бить Троцкому морду»³⁰.

Для своего спасения жертва готова стать активным пособником палача!

Несмотря на волнение, Бухарин чувствовал, что это скорее воздушный замок. На случай, если Сталин не примет предложения отправить его на передовую, наготове был другой «проект»: отправить его на каторжные работы на Печору или на Колыму на 25 лет. Однако эта ссылка должна была иметь свои особенности: «...я бы поставил там: университет, краеведческий музей, технические станции и т. д., институты, картинную галерею, этнограф-музей, зоо- и фито-музей, журнал лагерный, газету»³¹.

От материалистической классовой борьбы, где он обещает вцепиться Троцкому в глотку, до идиллии подобного концентрационного лагеря, который трудно было бы отличить от образцового социалистического дома отдыха. От Нью-Йорка до Колымы. В этих головокружительных прыжках почти физически ощущается, как смертник мечется то туда, то сюда, как он судорожно ищет выход, и как теряет связь с реальностью.

4. Тень Гегеля в зале суда

Судебный процесс военного трибунала Верховного Суда Советского Союза, проходивший с 3 по 13 марта 1938 года, напоминает шекспировскую драму – так насыщены реплики, остры столкновения, захватывающие переходы от глубин к высотам. Возьмем, например, следующую словесную дуэль между обвиняемым и печально известным прокурором Вышинским:

---

³⁰ Ср. там же.

³¹ Там же.

«Вышинский: Подсудимый Бухарин, были вы у Ходжаева на даче?

Бухарин: Был.

Вышинский: Разговор вели?

Бухарин: И вел разговор, и у меня была голова на плечах все это время, но из этого не следует, что я вел разговор о том, о чем сейчас говорил Ходжаев, а я первый раз вел разговор...

Вышинский: Первый или не первый – это не важно. Такой разговор подтверждаете?

Бухарин: Не такой, а другой разговор...

Вышинский: Я спрашиваю не вообще о разговоре, а об этом разговоре.

Бухарин: В «Логике» Гегеля слово «этот» считается самым трудным...

Вышинский: Я прошу суд разъяснить обвиняемому Бухарину, что он здесь не как философ, а преступник, и о гегелевской философии ему полезно воздерживаться говорить. Это лучше будет прежде всего для гегелевской философии...

Бухарин: Может быть, как философ-преступник»³².

Вышинский: Да, т.е. те, которые воображают себя философами. Философия здесь не к месту.»

Где и когда еще в мире проходил судебный процесс, где речь заходила о Гегеле? Какой шекспировской иронией и самоиронией наполнены горькие слова: «Возможно, как философ-преступник»! Что они могли означать? Может быть: «Для Вас, гражданин прокурор, любой философ является преступником, и для такого негодяя как Вы, философское мышление убийственно» Или: «Само собой разумеется, что каждый философ преступник, так как многие философские теории ведут к преступлению или обосновывают преступление». Или?

Ссылка на понятие «это» самая впечатляющая, но это не единственный случай на процессе, когда в ход было пущено философское оружие. Кроме Гегеля в зале суда появлялся Спиноза. На требование Вышинского, говорить не о том, что не происходит, а о том, что уже произошло, Бухарин ответил фразой великого философа *omnis determinatio est negatio*³³. Был затронут вопрос о существовании другого мира, которым занимались епископ Джордж Беркли, Давид Юм, а также Ленин, пример и наставник Бухарина. Бухарин отказывался подтвердить или опровергнуть какие-либо обвинения, направленные против других лиц, аргументируя это тем, что он ничего не знает, и что он не «солипсист» и не может ответить ни «да», ни «нет»³⁴.

Нечто загадочное есть в поведении Бухарина на суде, что скорее напоминает Достоевского, а не Шекспира – на наш взгляд это самое важное, что дает ключ к пониманию его странных показаний.

³² Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Верховной коллегией Верховного Суда 2-13 марта 1938 г. М., 1938. С. 374-375.

³³ Всякое определение (ограничение) есть отрицание (лат.)

³⁴ Ср. там же. С. 437.

Он категорически отвергает ряд абсурдных обвинений. Он отрицает, что планировал убийство Ленина, Сталина и Свердлова (еще в 1918 году!), что он был шпионом империалистических государств³⁵, но сознается в том, что намеревался «восстановить капитализм» и «свергнуть советскую власть»³⁶. Он признается, что замышлял отторгнуть огромные территории СССР (Украину, Белоруссию, Приморье) в пользу Германии и Японии и частично Англии³⁷.

Бухарин ни сознается во всем, ни отвергает всего. Как объяснить эти странные полупризнания?

Этот вопрос не перестает занимать исследователей и широкую общественность как на Западе, так и в России. Объяснение этого применением пыток исключается с самого начала, как это ни неправдоподобно выглядит. Целью пыток было не частичное, а полное и безоговорочное признание. Кроме того Бухарин, несмотря на свое частичное признание, часто приводил прокурора в ярость или заставлял смеяться. Безусловно, это не было запланировано и продиктовано арестованному пытками. Если бы Бухарин давал не те показания, которые от него требовали его мучители, то с ним бы произошло то же, что и с Крестинским, который сначала отказался от своих показаний на предварительном расследовании, чтобы раскаться несколько часов спустя, очевидно, после массивной «обработки». То, что Бухарина не подвергали пыткам, можно с уверенностью утверждать после того, как стало известно, что в тюрьме для него был создан особый режим, он получает всю литературу – как советскую, так и западную, а также пишущую машинку и пишет философское произведение³⁸. В лице Бухарина мы находим исключение из несомненно общего стиля «обращения» с обвиняемыми во время предварительного заключения.

Необычное поведение Бухарина на суде, а также в ходе всего процесса вызвало к жизни и другие гипотезы, которые, если учитывать известную склонность Сталина к комедианству, представляются не лишены оснований, однако в конечном счете, если рассматривать все за и против, больше напоминают захватывающий детектив, чем реальные события. Существует предположение, что на суде стоял не сам Бухарин, а его двойник или актер, который выучил заранее написанные слова, как это делается в театре. Одноклассник Бухарина, Илья Эренбург, отверг это мнение в разговоре с Роем Медведевым. Он убежден, что на скамье подсудимых находился настоящий Бухарин. Одновременно писатель отмечает, что несмотря на то, что показания Бухарин имели свой стилистический колорит, кое-где звучали «механически» и «вяло». Эренбург склонен объяснять это

---

³⁵ Ср. там же. С. 412-413, 450 и на с. с.

³⁶ Ср. там же. С. 417.

³⁷ Ср. там же. С. 405, 440, 441.

³⁸ Ср. Ignatov Assen: *Der marxistische Janus: Die zwei Gesichter von Nikolaj Bucharin –Zu seinem 110. Geburtstag (9.Oktober 1998)*, in: *Forum für Osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*, 2, 1998, S. 35-38.

действием каких-либо препаратов, которые подавляют волю и делают жертву послушной³⁹.

На то, что показания Бухарина были действительно сформулированы им, а не заучены и выданы каким-то актером по поручению свыше или самим Бухариным в бессознательном состоянии, указывает тот факт, что сталинским ищейкам не хватило бы интеллектуального запаса, необходимого для имитации Бухарина.

Сейчас эти чисто логические рассуждения можно считать эмпирически доказанными, благодаря тому, что уже известны отличия между подлинной стенограммой и стенограммой, «исправленной» Сталиным, которая была опубликована в 1938 году. Сталин действительно внес изменения, но это как раз доказывает, что то, что говорил Бухарин, исходило именно от него, а не от НКВД. Кроме того, эти изменения весьма незначительны. «Корректировка» Сталина ничего существенного не изменила.

Посредством «корректиры», сделанной Сталиным собственноручно или по его поручению судьями Ульрихом, Матулевичем, и др., Сталин выделил его признания и ослабил возражения. Основное содержание осталось прежним, до того, как за текст взялись «редакторы». До вмешательства Сталина и его служаек показаний Бухарина полностью хватало чтобы признать его тяжким преступником. А после «улучшения» текста конфликт Бухарина с прокурором остался достаточно острым, чтобы закрепить его превосходство над Вышинским и сбить читателя с толку.

Некоторые примеры это хорошо иллюстрируют. На вопрос Генерального прокурора: «Так Вы посылали Слепкова для организации восстания кулаков на Северном Кавказе?» обвиняемый ответил: «Я его послал»⁴⁰. В опубликованном тексте к ответу были добавлены еще несколько слов, которые Бухарин на самом деле не произносил, но, несомненно, имел в виду: «Я послал его организовать восстание»⁴¹. Или по «переговорам» Троцкого с нацистами (!) относительно передачи территорий Германии Бухарин сказал: «Впервые я узнал об этом из разговора с Радеком. Если я не ошибаюсь, это было летом 1934 года»⁴². В официальном отчете мы читаем: «Летом 1934 года Радек сказал мне, что поступили указания от Троцкого...»⁴³ Прозвучало это по-другому, единственное, что изменили в содержании, это устранили сомнения Бухарина относительно даты «преступного деяния», а самое важное – признание преступника – осталось без изменений, которые могли бы усугубить его положение.

---

³⁹ Ср. Медведев Р. А.: К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк 1974, С. 365.

⁴⁰ Мурин Ю.Г.: Как фальсифицировалось дело Бухарина // Новая и Новейшая история, 1, 1995, С. 63.

⁴¹ Судебный отчет... С. 182.

⁴² Мурин Ю.Г., указ. соч., С. 65.

⁴³ Судебный отчет... С. 469.

Последнее слово Бухарина заслуживает особого внимания. В «улучшении» текста Сталин участвовал самолично – он приписал заключительную часть. Но результаты этой «переработки» поразительны для каждого, кто догадывается о фальсификации. Настоящим курьезом является то, что «корректоры» целиком вычеркнули первое предложение речи Бухарина, звучавшее так: «...позвольте мне произнести последнее слово по случаю и в связи с моей деятельностью, о действительном содержании которой я говорил на судебном разбирательстве и процессе, а также ответить на самые главные обвинения, предъявленные мне прокуратурой»⁴⁴. При всем желании невозможно объяснить, почему эта фраза была вырезана.

Есть еще более поразительная вещь: «Я также признаю себя виновным в подготовке заговора, «дворцового переворота», в подготовке государственного переворота», - сказал Бухарин суду⁴⁵. Судьи вычеркнули слова «в подготовке государственного переворота». Для этого не только не было достаточных оснований, но даже наоборот, эта купюра *шла вразрез с их прямой политической задачей*: в их интересах было бы удалить термин «дворцовый переворот», а не «государственный переворот», так как всякое сравнение советского центра власти с «дворцом» представляло дерзкую провокацию официального сознания.

Понятно, почему Сталин вычеркнул целый абзац, где Бухарин напоминает, что его сочинение появилось под редакцией и с предисловием Ленина и что оно направлено против Троцкого, более того: Сталин рекомендовал тексты Бухарина как директивы ЦК⁴⁶. Однако не ясно, почему Сталин оставил хвалебные слова Бухарина о нем (он, Сталин, «надежда всего мира», «творец» и т.д.), но вырезал единственное слово - «выразитель» - «выразитель народных надежд»⁴⁷. Что плохого в этом было для него, для Сталина?

«Корректурa» была не только не нужна, но как это часто было в советской системе, *иногда лишена всякой логики*. Частично ее можно объяснить чрезмерным усердием «редакторов», желающих доказать свое старание и показать, что они работали, правда усердие оказывалось не по разуму. Или они преследовали «дидактическую» цель: показания Бухарина должны звучать так, что и дураку будет понятно, о чем идет речь – отсюда некоторые повторы и четкая категорическая форма признаний.

Что бы там ни было, фальсификация показаний Бухарина была незначительной. Существенное искажение показаний не было ее конкретной целью. Что Бухарин говорил перед судом, исходило, в основном, от него. Факт фальсификаций

---

⁴⁴ «Мое последнее слово на суде, вероятно, будет моим последним словом вообще»: Кто и как правил речь Н.И. Бухарина // Источник, № 4, 1996. С. 79.

⁴⁵ Там же. С. 81.

⁴⁶ Ср. «Мое последнее слово...». С. 87-88.

⁴⁷ Ср. там же. С. 90.

нельзя объяснить стремлением снять противоречивость его слов. Объяснение надо искать у него самого.

Уже в ходе процесса и друзья, и враги предполагали, что непоследовательность поведения Бухарина объясняется сложной тактикой. Запутавшийся в противоречиях в поведении Бухарина Вышинский предупредил обвиняемого, что прекратит допрос, «потому что, очевидно, Вы придерживаетесь некой тактики и не желаете рассказать правду, вместо этого Вы прикрываетесь потоком слов, хитрите, уходите в дебри политики, философии, теории и т.д. – о чем должны позабыть раз и навсегда»⁴⁸. «Известия» также были возмущены «тактикой» Бухарина: «Ни одного прямого ответа, пока посредством очной ставки, перекрестного допроса и показаний свидетелей не доказали и не заставили его сознаться, что он коварный и подлый преступник»⁴⁹. То, что обвиняемый не произносил автоматическое и послушное «да» на каждое обвинение, было непростительной дерзостью в глазах тех авторов.

Аналогичную интерпретацию целей и мотивов – конечно, из противоположных побуждений – дают многие авторы коммунистического крыла Самиздата, с работами которых Медведев мог ознакомиться в шестидесятые и семидесятые годы. По мнению одного из этих нонконформистских исследователей, чье имя Медведев дает как сокращение «И.А.Р-ол», Бухарин стремился «не вступать в прямое столкновение с прокурором, тем не менее нанести удар юридической стороне процесса, чтобы показать его противоправность и несоответствие признаний обвиняемого действительности»⁵⁰. Один западный дипломат, английский бригадный генерал Ф. Маклин (F. McLean), который непосредственно наблюдал за процессом, был того же мнения.

Сейчас, после крушения коммунизма, эта версия находит сторонников. Утверждается, что Бухарин в умной и осторожной форме опроверг все абсурдные обвинения и развенчал сущность сталинской системы.

Однако эта версия не обоснована. Почему Бухарин ведет себя столь «избирательно» по отношению к пунктам обвинения? Разве план передачи Украины Германии и Приморья Японии не столь чудовищен как шпионаж? Он признает одно и опровергает другое. Вряд ли эта «тактика» могла развенчать интриги Сталина. Если кто-то признается в намерении «подарить» не кому иному, как Адольфу Гитлеру огромные территории «родины мирового пролетариата», то почему ему следует верить, когда он утверждает, что он не шпион? Оба преступления – признанное и отклоненное – связаны друг с другом самым тесным образом. Кто готов отдать врагу часть своей родины, должен заниматься шпионажем. Шпионаж – типичное средство для достижения этих целей.

---

⁴⁸ Судебный отчет... С. 461.

⁴⁹ Шеф шпионов (редакционная статья) // Известия, 9.3.1938, цитата по: Медведев, указ. соч., С. 353.

⁵⁰ Медведев... С. 353.

Артуру Кёстлеру первому удалось проникнуть в мотивы признаний обвиняемых на показательных процессах. В романе «Слепящая тьма» Николай Рубашов, он же Николай Бухарин, признает себя виновным в этих абсурдных преступлениях, будучи убежденным, что его самопожертвование это «последнее партийное поручение». «Вы принесете Партии пользу, если покажете массам – на собственном примере – в какое преступное болото заводит человека антипартийная деятельность»⁵¹, - наставляет Рубашова следователь Глеткин. Все нужно объяснять языком «понятным народу»⁵². Сложные душевные процессы они вряд ли смогут понять. Они не в состоянии понять, как можно совершать «честные» политические ошибки, – здесь непременно замешаны капитал, империалистические и фашистские государства, а «страну лихорадит от дьявольского вредительства врагов»⁵³.

В целом этой версии придерживается Солженицын, назвавший роман Кёстлера «талантливым расследованием». Великий русский писатель с саркастической пластичностью воссоздает атмосферу, в которой мог проходить решающий диалог между Бухариным и следователем. Намекая на то место в допросе Бухарина на суде, когда прокурор выделяет не столько фактическую измену социализму, сколько «железную логику», которая должна была привести к этому, Солженицын вкладывает в уста мучителя циничное замечание, что Бухарину не следует противиться, а надо все подписать – это лишь «маленький философский переход» от возможности к действительности⁵⁴.

По Солженицыну идеологическая однородность между Бухариным и сталинистами, их общая приверженность догме стала для него роковой. Взяв на вооружение идеологию, режим мог со всем основанием требовать от Бухарина всего: кто говорит А, должен сказать Б. (Правда, Солженицын считает, что важную роль сыграло подлое обещание сохранить жизнь в обмен на признание. Согласно его описанию «...мы оставим Вас в живых; мы тайно отправим Вас на остров Монте Кристо; там вы будете работать на экономику социализма»)⁵⁵.

В этой версии много убедительного. Можно сказать, что обвиняемый не только сыграл предписанную ему роль, но и позволил себе увлечься, иногда забывая, что он находится на скамье подсудимых. Его манера держаться, тон, речь больше подходили для академического чтения лекций⁵⁶. Казалось, он говорит с большим вдохновением – опять шекспировское сочетание трагедии и гротеска. Казалось, он не без кокетства требовал для себя ведущей роли в этом «заговоре» и был готов протестовать против возможных возражений. Это действительно свойствен-

⁵¹ Кестлер Артур. Слепящая тьма. Пер. с англ. Андрей Кистяковский. Нью-Йорк, 1978. С. 172; С. 140.

⁵² Ср. там же. С. 172.

⁵³ Ср. там же. С. 164.

⁵⁴ Ср. Солженицын А., указ. соч., С. 419.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Ср. Судебный отчет..., С. 414-417.

но индивидуалистам и эгоцентристам. Тщеславие настолько ослепляет их, что они собственными руками помогают палачу надеть себе петлю на шею. Это тщеславие соединяется с мазохистским самопожертвованием: они даже горды своей самоотверженностью. Поведение атеиста Бухарина похоже на поведение ревнителя веры, который наслаждается своей покорностью. «Я хотел бы сказать Вам, что не являюсь зачинщиком контрреволюции, что я, как один из вождей, несу высокую ответственность за любого трудящегося» - заявил он торжественно, что в его положении производило трагикомичное впечатление⁵⁷.

Так, согласно версии Кёстлера и Солженицына, Бухарин стал жертвой разделяемого им самим революционного макиавеллизма.

Это близко к правде, но только полуправда. Она объясняет только частичное признание вины, но не - опять частичное – отрицание таковой. Последнее надо объяснять иначе. Если мотивом признаний является готовность послужить «делу» даже ценой собственной жизни, то страх не потерять «революционную честь» - мотив упорного отрицания остальных обвинений. *Бухарин колебался между двумя этими мотивами.* С одной стороны, он хотел сослужить партии «последнюю службу». С другой стороны, он не хотел, чтобы «трудящиеся» считали его чудовищем. На наш взгляд, это объясняет поразительную непоследовательность обвиняемого.

Но он ошибся. Его расчет не удался. Педантичное «дозирование» признания и отказа оказалось бессмысленным. В глазах партии он так или иначе потерял «честь».

Бухарин метался из стороны в сторону. Его поведение на суде лишено последней доли разума. Отдельные выражения выглядят рационально, и, если рассматривать их изолированно, то можно принять их за элементы какого-то плана или тактической концепции. Но не в совокупности. Рациональные моменты аннулируют друг друга. Разрываясь между двумя сильными побуждениями, в целом, он вел себя иррационально.

Уровень интеллекта обвиняемого был столь высок, что в этом состоянии крайнего душевного смятения, на него находило озарение. Он признал свою иррациональность, хотя и окольными путями. В своем последнем слове он сказал, что некоторые пытаются объяснить признание им своей вины свойствами *âme slave* (славянской души). Это истинно в отношении мазохистских героев Достоевского, но не по отношению к нему, сказал он.

Бухарин чувствовал правду - свое психологическое родство с героями Достоевского. Испуганный осознанием этого, он вытеснил его благодаря известному психоаналитическому механизму «проекции», тем что он артикулировал его в негативной форме, приписывал другим и «опровергал».

---

⁵⁷ Там же. С. 414.

Лишено логики не только поведение Бухарина. Вопреки упрощенным представлениям, лишено логики и поведение его антагониста. Сталин выступал не только как холодный бесчувственный властитель, который руководствуется только циничным и трезвым расчетом. Конечно, он обладал этими чертами, но они амбивалентно соединялись с сильными и хаотичными страстями.

Особые привилегии, которыми Бухарин пользовался в тюрьме, и сам процесс, уже были единственным в своем роде исключением. Только Бухарину было позволено вступать в едкую перепалку с обвинителем. Более того, он мог даже высмеивать внушавшего всем ужас «прокурора». Сталин шел на большой риск. Наиболее правдоподобная гипотеза, что все это – как и уже упоминавшееся обстоятельство, что к Бухарину, по всей видимости, не применялись пытки – объясняется сложными, *противоречивыми чувствами и колебаниями* Сталина.

Сталин и Бухарин представляли дьявольский симбиоз. *Они были нужны друг другу.* Садисту Сталину нужна была жертва. Мазохисту Бухарину был нужен палач. Разумеется, оба руководствовались собственными мотивами. Сталин на самом деле полагал, что его «долг» быть твердым. Бухарин считал, что его «долг» требует пожертвовать собой.

5. Финал и эпилог

Долгая душевная агония Бухарина закончилась 14 марта 1938 года. Среди недавно опубликованных секретных документов находится подписанное председателем суда Ульрихом постановление о расстреле и список казненных в этот день участников «блока правых и троцкистов», содержащий в зашифрованной форме детали расстрела, внесенные палачами НКВД. Своего рода инвентарь трупов, который по своей педантичной сухости напоминает бухгалтерию смерти Эйхмана. Слева и справа от имен стоят значки. Российский журналист Алексей Воробьев попытался расшифровать эти иероглифы смерти.

Слева непосредственно перед именем «Бухарин, Николай Иванович» видны маленький крест и галочка. Крест означает: «выведен из камеры», галочка: «особым транспортом к месту казни». Справа мы видим две короткие параллельные горизонтальные черточки. Воробьев расшифровывает: «Врач констатировал смерть»⁵⁸.

Так система с присущей ей убийственным и самоубийственным безрассудством «ликвидировала» одного из своих лучших людей, зарегистрировав и закодировав его «случай» с так же свойственным ей конспиративным бюрократизмом. Канцелярская банальность, с которой сталинский аппарат попытался выбросить Бухарина из истории, была горькой обидой памяти этого незаурядного человека.

---

⁵⁸ Воробьев Алексей: Тайна седьмого фонда, Российская газета, 31.10.1992.

Острый анализ не единственное качество романа Кёстлера. В книге есть строки, которые оказались пророческими.

Свое психологическое давление на Рубашова следователь Глеткин завершает словами:

«Партия обещает вам только одно - после окончательной победы, когда это не сможет принести вреда, секретные документы будут опубликованы. Тогда весь мир узнает, что легло в основу того Процесса – или того балагана, как вы его называете, - в котором вы участвовали по велению Истории. [...] И тогда вы – а также некоторые из ваших друзей – получите от широких масс чувства жалости и симпатии, в которых вам отказано на сегодня»⁵⁹.

Эти слова играют решающую роль. Они успокаивают Рубашова. Выслушав их, он подписывает протокол допроса.

«Глеткин» сдержал свое слово! Только исполнитель носил другое имя: Горбачев. Секретные архивы действительно были опубликованы, и спустя пятьдесят лет после смерти Бухарин дождался «симпатии» и «сострадания».

С одним отличием: это произошло не после «окончательной победы», а незадолго до «окончательного поражения».

(Перевод с немецкого Е.В. Воробьевой
под редакцией В.К. Кантора)

---

⁵⁹ Кестлер А. Слепящая тьма. С. 173.